

И. Н. ШКРЕДОВА, М. М. ЧИХАЧЁВА, Л. Д. ЭКАРД

Красноярский государственный институт искусств, г. Красноярск, Россия

ORCID: 0000-0001-6343-7814, irina.shcredova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6448-1427, mgokhfeld@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8540-5901, larisag1971@mail.ru

Обряды и песни жизненного цикла в Енисейском районе Красноярского края (по результатам фольклорных экспедиций Красноярского института искусств)*

Енисейский район Красноярского края, где основу крестьянского населения составляли поморы, является одним из самых ранних по заселению в Сибири. Обряды жизненного цикла традиционной культуры Поморья (рождение, вступление в брак и смерть) играли большую роль и оформлялись ритуалами переходного типа. В статье рассматривается их место в рамках «корневой» культуры, а также в свете разрушения фольклорной традиции XX – начала XXI века.

Обряды жизненного цикла Енисейского района находятся на периферии исследовательского внимания. Исключение составляет музыкальный материал традиционных собраний молодёжи, зафиксированный в наиболее полном виде. В фольклоре Енисейского района закреплены элементы ритуалов переходного типа как на уровне обрядовых действий, так и на уровне функционирования жанров музыкального фольклора. Так, характер заговоров и бытование колыбельных песен, имеющих охранительную функцию, свидетельствуют о приближённости ребёнка к «тому свету» и подверженности его влиянию. Наличие брачных элементов в традиционных собраниях молодёжи довоенного времени указывает на их инициационную направленность. Особенности свадебного обряда позволяют отнести его к типу «свадьба-похороны», характерному и для «корневой» культуры Поморья. Авторы показывают, что традиционная свадьба Енисейского района исчезла в послевоенное время. Похоронный обряд исследуемого региона сохранил своё значение как оформление благополучного перехода человека с «этого» света на «тот», при этом закрепился и музыкальный компонент ритуала, представленный жанром причитаний.

Ключевые слова: фольклор Сибири, фольклорно-этнографические экспедиции, вечёрки, обряд перехода, колыбельные, свадебный обряд, причитания.

IRINA N. SHKREDOVA, MARIA M. CHIKHACHYOVA, LARISA D. EKARD

Krasnoyarsk State Institute of Arts, Krasnoyarsk, Russia

ORCID: 0000-0001-6343-7814, irina.shcredova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6448-1427, mgokhfeld@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8540-5901, larisag1971@mail.ru

The Rites and Songs of the Life Cycle in the Yenisey Area of the Krasnoyarsk Region (based on the Results of the Folk Music Expeditions of the Krasnoyarsk Institute of Arts)

The area adjoining the Yenisey River in the Krasnoyarsk Region, in which the basis of the peasant population is comprised of the Pomors, has been among the earliest settled regions of Siberia. The rites of the life cycle of the traditional culture of Pomorye (birth, marriage and death) played a crucial role and were formed by rituals

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24601.

of transitional types. The article examines their place in the “primary” culture, as well as in light of the destruction of the folklore tradition in the 20th and early 21st centuries.

The rites of the life cycle of the Yenisey area are situated on the periphery of attention of researchers. An exception of this is provided by the musical material of traditional gatherings of youth recorded in the fullest manner. In the folk music of the Yenisey area the elements of rituals of the transitional period are anchored – both on the level of ritual acts and on the level of the functioning of genres of folk music. Thus, the character of exorcism and the prevalence of lullabies possessing a protective function bear witness to the child’s proximity to the “other world” and the amenability towards its influence. The presence of marital elements in the traditional gatherings of young people in the pre-war time indicates at their initiatory directedness. The peculiarities of the wedding rite make it possible to relay it to the type of “wedding-funeral,” which is also characteristic to the “root” culture of Pomorye. The authors demonstrate that the traditional weddings of the Yenisey area disappeared in the post-war era. The funeral rite of the studied area has preserved its significance as an arrangement of the successful transference of humans from “this” world to the “next” one, at that, the musical component of the ritual, demonstrated by the genre of lamentations, has also been preserved.

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund to the research project №17-14-24601.

Keywords: folk music of Siberia, folklore-ethnography expeditions, evening gatherings, rite of transition, lullabies, wedding rites, lamentations.

Обряды жизненного цикла являются важной составляющей традиционной культуры, поскольку социально-возрастной статус каждого члена сообщества определяет для него нормы обрядового и бытового поведения.

Народная культура Енисейского района Красноярского края относится к фольклорным традициям вторичного формирования, но при этом данный регион является одним из самых ранних по заселению в Сибири: многие деревни и посёлки Енисейского района ведут свою историю с первой трети XVII столетия. В составе русских колонистов, заселявших Енисейский район, преобладали переселенцы из Северного и Центрального Поморья; в меньшей мере среди пришлых людей встречались выходцы из других частей страны. Исследователи сибирского музыкального фольклора отмечают преимущественную роль севернорусских традиций в процессе формирования старожильческой культуры, в том числе опираясь на материалы Енисейского района Красноярского края [5; 6; 8].

В «корневой» для Енисейского района культуре Поморья обряды жизненного цикла имели огромное значение: помимо ритуалов, связанных с рождением ребёнка, здесь существовала развитая система колыбельных песен и песен, сопровождающих период детства. Свадебный обряд был одним из центральных, а похоронно-поминальный обрядовый комплекс сопровождался обязательным исполнением причитаний. Однако в Сибири традиционная культура переселенцев с течением времени развивалась, преобразовалась под влиянием различных факторов

и, как следствие, приобрела самобытный облик. В связи с этим представляется важным проанализировать, какое место занимали обряды жизненного цикла в культуре Енисейского района и какими жанрами был представлен музыкальный компонент этих обрядов.

Обряды жизненного цикла в Енисейском районе находились на периферии исследовательского внимания, поскольку не были столь развиты, как другие области традиционной культуры. Исключением являются только традиционные собрания молодёжи и их музыкальный материал, зафиксированный в наиболее полном виде [5].

Фольклорно-этнографические экспедиции Красноярского института искусств на территории Енисейского района Красноярского края проходили трижды: в 1989 и 1990 годах, а затем, после значительного перерыва, – в 2017 году. Работа экспедиций 1989–1990 годов велась в таких деревнях, как Ворожейка, Маковское, Малая Белая, Мариловцево, Никулино, Новошадрино, Ялань, а также в селе Ярцево. В 2017 году преподавателями Красноярского института искусств в рамках проекта «Фольклорно-этнографическая экспедиция по Енисейскому району Красноярского края» были обследованы города Енисейск (основан в 1619) и Лесосибирск (основан как деревня Маклаков Луг в 1640), посёлок Усть-Кемь (основан около 1620), сёла – Чалбышево (основано в начале XVII века), Плотбище (основано в 1664), Потапово (основано в 1670-х годах), Погодаево (основано в 1640–1650 годах). Однако если во время экспедиций 1989–1990 годов ис-

следователи отметили высокую степень сохранности фольклора в Енисейском районе, то результаты экспедиции 2017 года свидетельствуют о стремительном разрушении традиционной культуры. Тем не менее в ходе последней экспедиции были записаны сообщения о функционировании некоторых семейных обрядов, а также зафиксированы несколько образцов музыкального фольклора.

Информации о музыкальном фольклоре, связанном с детством, участниками экспедиции было собрано мало, и дело не столько в особенностях памяти носителей традиции, сколько в условиях их жизни периода детства и молодости, где не оказалось места ни колыбельным песням, ни потешкам, ни играм с детьми. Но тем более ценными становятся обнаруженные свидетельства бытования этих жанров в Сибири, особенно в свете того, что данные песни практически не фиксировались и не описывались исследователями. Во время экспедиции 2017 года в Енисейском районе Красноярского края были записаны образцы колыбельных песен – основного песенного жанра, сопровождавшего ребёнка на протяжении первых двух лет жизни. Записи сделаны в селе Чалбышево от А. И. Кривоносой (1932 года рождения) и в селе Плотбище от Н. С. Телеутовой (1936 года рождения).

Колыбельные, зафиксированные в Чалбышево и Плотбище, построены по принципу исполнения разных сюжетов на один напев, что является типичным для функционирования жанра. В колыбельной, исполненной А. И. Кривоносой, объединяются текстовые блоки с угрозами («колотушек надаю» и «ты не бегай на лужок»), с обращением к Угомону, сюжет с обещанием покупок, рассказ о Пелагеюшке, обращение к Буке (пример № 1).

В колыбельной Н. С. Телеутовой (пример № 2) аналогично чередуются три сюжета: о сереньком волчке, о покупках и о распределении хозяйственных обязанностей в семье («Пошёл отец за рыбою...»).

Пример № 1

Колыбельная (с. Чалбышево)

♩ = 65

Ба - ю, ба - юш - ки, ба - ю, ко - ло - ту - шек на - да - ю,
 Ко - ло - ту - шек два - дцать пять, бу - дет Во - ва креп - ко спать.

1. Баю, баюшки, баю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Будет Вова крепко спать.
2. Вова спи да Вова спи,
Угомон тебя возьми.
Угомон, угомон,
Пусть приснится сладкий сон.
3. Байки-побайки
Куплю тебе китайку.
А Намарю бедному
Табакерку медную.
4. Ты мой сладкий да баской
Пошёл по воду с доской.
Нашёл денежку –
Купил девушку.
Купил девушку –
Пелагеюшку.

5. Пелагеюшка моя,
Выйди взамуж за меня.
Ты, татарин-бусурман,
Посадил её в карман.
Она плачет да ревёт –
Татарин за уши дерёт.
6. Баю, баюшки, баёк,
Ты не бегай на лужок,
Тебя мышки съедят
Или ящерки.
7. Баю, баюшки, бай-бай,
Пойди, Бука, под сарай
Пойди, Бука, под сарай,
Овцам (коням) сена не давай.
8. Овцы сена не едят,
Тебе спатеньки велят.
Тебе спатеньки велят,
Крепко глазоньки зажать.
Засыпай, засыпай,
Крепко глазки зажимай.

Пример № 2

Колыбельная (с. Плотбище)

♩ = 90

1. Ба - ю, ба - ю - шки, ба - ю, не ло - жи - ся на кра - ю,
 При - дёт се - рень - кай вол - чок, те - бя схва - тит за бо - чок.
 2. Бай - ки - по - бай - ки, ма - те - ри - ки - тай - ки,
 А от - цу - под - ле - цу - свет - лу пу - го - ви - цу.

1. Баю, баюшки, баю,
Не ложися на краю,
Придёт серенькай волчок,
Тебя схватит за бочок.
2. Байки-побайки
Матери – китайки,
А отцу-подлецу –
Светлу пуговицу.

3. Баю-баю, зыбаю,
Пошёл отец за рыбою,
Мать пошла коров доить,
Отец пошёл свиной кормить.

Данные колыбельные обнаруживают черты сходства с севернорусскими байками, описанными в работе Б. Б. Ефименковой «Северные байки» [3]. Общность проявляется в строении колыбельных – поэтическом (свободное чередование нескольких сюжетных мотивов) и музыкальном (напевы колыбельных песен Енисейского района, как и большинство образцов, опубликованных Ефименковой, относятся к разряду цезурированных временников с восьмивременными формулами слогового ритма). Круг сюжетов, охваченных в приведённых колыбельных, также типичен для севернорусских баек. Даже название старинной русской колыбельки – «люлька», «зыбка» – может указывать на общие корни енисейской и севернорусской фольклорных традиций.

Помимо колыбельных, в селе Плотбище от Н. С. Телеутовой были записаны две потешки, обе – на один напев, опирающийся на ритмический тип «Камаринской»: «Растатуриха телегу продала, / На телегу балалайку завела, / Балалаечка наигрывает, / Растатуриха наплясывает, / Своей задницей натряхивает», «Запрягу я кошку в ложку, а котёнка – в тарантас, / Повезу свою растрёпу в Красноярск да на показ».

Жанры колыбельной и потешек относятся к материнскому фольклору, тогда как собственно детский фольклор в экспедиционных записях по Енисейскому району представлен жанрами колядки, тропаря и заклички. Во время обхода дворов на Святки дети пели колядки, совершали обряд высеваания («посевания»), поздравляя хозяев специальной колядкой с текстом «Сею, вею, посеваю». В ходе экспедиций 1989 и 1990 гг. записан и рождественский тропарь, который при обходе дворов дети пели наряду с колядками.

Ещё один жанр детского фольклора – закличка дождю – был записан в экспедиции 1989 года в селе Нижнешадрино и в деревне Малая Белая. По словам информаторов, закличку с текстом «Дождик, дождик, перестань» пели, рассчитывая на обратный произносимому тексту эффект, когда дождь начинался после засухи: «Дождь, дождь, перестань, / Я поеду в Нарастань / Богу молиться, Христу поклониться / Ключиком-замочком, шёлковым цветочком». Данная закличка исполнялась в манере ритмизованного скандирования.

В ходе экспедиций 1989 и 1990 года был собран обширный материал о проведении вечёрок, в том числе о песнях, звучащих во время со-

браний молодёжи. Традиция енисейских вечёрочных песен получила научное осмысление в работах О. В. Крахалёвой [5]. Исследователь отмечает брачную направленность собраний молодёжи 14–16 лет, на которых все вечёрочные песни заканчивались «поцеловками».

В военные и послевоенные годы произошла трансформация вечёрочной традиции, вызванная рядом причин, среди которых значимым стало резкое изменение пропорций в соотношении женского и мужского населения, в том числе среди молодёжи (послевоенное общество стало преимущественно женским). Особенности возраст-половой структуры сельского населения способствовали исчезновению возрастной дифференциации собраний молодёжи, отмеченной в ходе экспедиций прошлых лет. Так, в экспедициях 1989–1990 годов были зафиксированы сведения о дифференциации вечёрок довоенного времени по возрасту участников на собрания группы 10–13 лет с ведущей ролью игрового элемента в вечёрках и собрания группы 14–16 лет, включающие множество «поцелуйных» игр. По сведениям, полученным в ходе экспедиции 2017 года, на вечёрки военного и послевоенного времени собирались девушки от 13–14 лет и юноши – мальчики с 10 лет и старше, а также могли прийти молодые замужние женщины с мужьями (как правило, те, у кого ещё не было детей). Вероятно, именно с нивелированием возрастных ограничений связаны такие изменения в ходе проведения вечёрок, как частичная замена хороводно-игровых песен детскими играми и усиление роли игрового начала в целом, а также ограничение или полное отсутствие «поцелуйных» игр. Но если традиционные собрания молодёжи в Енисейском районе сохранялись до 1950–1960-х годов, то традиционный свадебный обряд исчезает уже в военное время.

Сибирский свадебный обряд (в том числе его музыкальное наполнение) неоднократно оказывался в центре внимания исследователей. Так, в различных публикациях на примере отдельных традиций описаны состав и порядок обрядовых действий, приводятся тексты и напевы свадебных песен. При этом отмечается, что по многим параметрам сибирская свадьба обнаруживает типологическое родство с севернорусским свадебным обрядом [1]. В настоящее время традиционный свадебный обряд Красноярского края целостно представлен в публикациях только одной традицией – свадьбой деревни Быстрая

Минусинского района края [10]; свадебные песни Енисейского района представлены в публикациях единичными примерами, ход енисейского свадебного обряда также не был описан.

В записях экспедиций КГИИ 1989–1990 годов информация об особенностях и ходе свадьбы фиксировалась в каждой деревне. Сопоставление этих данных (зачастую обрывочных) позволяет отнести обряд Енисейского района к севернорусскому типу «свадьба-похороны». В данном типе свадьбы доминирующей является линия инициационного перехода невесты из группы девушек в группу замужних женщин. В связи с этим наиболее развёрнутыми в структуре обряда становятся этапы, проводимые в доме невесты, во время которых происходит постепенное её отчуждение от своей семьи и социокультурной группы. Так, в Енисейском районе во время подготовительного периода и в канун свадебного дня невеста проводила всё своё время с подружками, навсегда прощаясь с ними и со своей прежней жизнью. Расплетание косы, которое повсеместно осуществлялось в свадебный день (в некоторых сёлах – до приезда женихов, в других – во время застолья в доме невесты), всегда сопровождалось плачем невесты. В некоторых сёлах (село Маковское, деревня Ворожейка) сохранился обряд прощания с красотой, который включал в себя не только расплетание косы, но и дарение лент подружкам: «Возьмите, подружки, мою красоту, больше мне не красоваться».

Отличительной особенностью свадьбы-похорон на Русском Севере являлась ритуальная баня, куда невесту водили в канун свадьбы и где невеста окончательно теряла («смывала» с себя) признаки своего прежнего статуса. В деревне Никулино зафиксирован рассказ о свадебной бане, где подружки не только мыли невесту, но и гадали о будущем замужестве, а также пели песни эротического содержания: «Мойся, усок, / Промывайся, усок, / Тебе завтра, усок, / Дадут мяса кусок». Аналогичные рассказы о бане и об исполнении подобных песен фиксировались и в других сибирских традициях [9].

Венчание, строго закреплённое в структуре севернорусского обряда, в Енисейском районе также являлось обязательным. Как правило, сразу после венчания невесте делали новую – женскую – причёску: заплетали две косы, укладывали их вокруг головы, а поверх повязывали платок. Следующий этап свадьбы – центральное

застолье – традиционно проходил в доме жениха. Во время экспедиций 1989 и 1990 года было записано несколько свадебных песен, в основном включаемых в довенечные этапы свадьбы. Это прощальные свадебные (исполнялись в доме невесты, например: «Взойду я на гору», «Не спущу эту красоту») и поезжанские песни (сопровождающие движение свадебного поезда, например: «Не было гостей, да вдруг наехали», «Ой, сватушка, ой, батюшка»).

Как следует из современных опросов, в военное и послевоенное время в Енисейском районе свадьбы перестали играть вообще, даже регистрацию брака в сельсовете могли отложить до рождения первого ребёнка. Только сватовство оставалось формальным этапом, после которого «сходились и жили». Таким образом, на наш взгляд, местная свадьба со всей её спецификой в этот период была утрачена.

Вновь свадьбы начали играть с 1960-х годов, но это был уже другой обряд. В современной свадьбе акцентируются обменные отношения между стороной жениха и стороной невесты, выражением которых становится язык купли-продажи. При сватовстве невесту выторговывают. В день свадьбы участникам свадебного поезда приходится откупаться, чтобы попасть в дом невесты, где её необходимо выкупить. После регистрации брака, когда молодые катаются, им перегораживают дорогу и, опять же, проезд необходимо оплатить. Что уж говорить о застолье в доме жениха, во время которого продают блины, пельмени, посуду, место жениха и невесты и т. д. Помимо торгов и выкупов в ходе свадьбы, важное значение имеют деловые встречи (сватовство), совместные застолья, взаимные одаривания, встречи и проводы участников обряда при их переездах с одного места жительства на другое.

Таким образом, вместо ориентации на севернорусскую традицию с преобладанием инициационного плана ритуала в современной свадьбе реализуется лишь коммуникативно-обменная линия, что в большей степени характерно для свадьбы восточнославянского Запада. Однако в отличие от западной свадьбы и даже в отличие от свадьбы, записанной в 1989 году, современный обряд свадебных песен не содержит.

Похоронный обряд, завершающий земной путь человека, является наиболее консервативным среди обрядов жизненного цикла. При сравнении описаний похоронного обряда

в Енисейском районе, зафиксированных от стариков и от достаточно молодых жителей, обнаруживается, что за последние 60–70 лет он не претерпел существенных изменений. Поскольку похоронный обряд на всей русской этнической территории типологически однороден, остановимся лишь на его отличительных особенностях. Региональные различия похоронного обряда связаны с наличием и развитостью традиции похоронных причитаний.

На Русском Севере причётная традиция была наиболее развита, что нашло отражение в сибирских старожильческих обрядах. Исследователи сибирского фольклора отмечают, что в прошлом традиция причитания во многих регионах Сибири имела устойчивый характер [9]. Но опубликованные причёты представляют Дальний Восток и Западную Сибирь, в то время как Енисейский район и красноярские причёты до сих пор не были введены в научный обиход. При этом в Енисейском районе Красноярского края похоронные причитания звучат в некоторых сёлах до сих пор.

От жительницы села Чалбышево А. И. Кривоносовой (1932 года рождения) участники экспедиции узнали, что совсем недавно в этом селе ни одни похороны не обходились без причитаний. Отсутствие причитаний на похоронах осуждалось, говорили: «Что это за похороны – даже не попрочитали». Причитать начинали сразу после смерти близких. При этом в рамках похоронно-поминального обрядового комплекса причитать можно было только до похорон; на поминках причитать было нельзя. Однако традиция причитаний не исчерпывается похоронным обрядом; причитать можно было в любое другое время, причём как на кладбище, так и дома. «Шибко обидно тебе, шибко горе большое – бегут на кладбище и причитают», – говорят в селе. Александра Ильинична привела пример начала такого причёта: «Ой, родимая моя мамонька, ой, ничего-то ты не знаешь-то, как-то мне больно-досадно-то...».

Исходя из приведённых данных, можно предположить, что в Чалбышево преобладали причитания импровизационного характера, типичные для функционирования этого жанра в похоронном обряде. Что же касается причитаний «в любое другое время», то их можно разделить на поминальные и так называемые причитания «на случай», причём по манере исполнения они не различались между собой.

После вопроса собирателей о существовании традиции свадебных причётаний Александра Ильинична рассказала, как её односельчанка однажды «во всё кладбище» причётала по дочке, собирающейся выйти замуж. Однако нет оснований предполагать, что этот причёт был частью свадебного обряда; обстоятельства возможного замужества скорее свидетельствуют о причётании «на случай». Мать невесты была настроена против жениха и всячески препятствовала этому браку. Однажды жених приехал и увёз её дочь к себе домой. После этого мать и голосила на всё кладбище.

Почти все, кто умел причётать, в настоящее время покинули Чалбышево: кто уехал, а кто ушёл в мир иной. Молодёжь о существовании причётов знает, поскольку неоднократно слышала их на кладбище, но традицию у стариков никто не перенял.

В других обследованных населённых пунктах Енисейского района нам также сообщили, что на кладбище нужно причётать, но для этого женщин, владеющих традицией (плакальщиц), приглашали из других сёл. Плакальщица на похоронах причётала так, что невозможно было не заплакать, независимо от того, насколько близким был умерший. Причитать можно было только днём, ночью не причётали. По свидетельству Раисы Ивановны Немчиновой (1933 года рождения), переехавшей в город Лесосибирск в 2001 году, в соседнем Казачинском районе, где она прожила всю жизнь, также причётали на похоронах и на кладбище, а кто не умел – нанимали плакальщиц.

Таким образом, на данный момент известно о существовании живой причётной традиции в Енисейском районе Красноярского края. Однако записать причёт в ходе экспедиции 2017 года (как и ранее, во время экспедиций 1989–1990 годов) не удалось, поскольку этот жанр существует в трёх разновидностях: одна из них – похоронный причёт – используется только в традиции похоронного обряда, две другие (поминальный причёт и причётание «на случай») имеют приуроченность к одной и той же локации, а именно, исполняются преимущественно на кладбище. Соответственно, возможность записать причётания может представиться собирателям либо на похоронах, либо при совпадении сроков экспедиции с поминальными днями – всеобщим Родительским днём (Радуницей) или Троицей (в некоторых случаях – Троицкой родительской субботой).

Анализ сведений, полученных в ходе экспедиций разных лет, показал, что структура и наполнение обрядов жизненного цикла в Енисейском районе претерпели по отношению к «корневой» культуре сильные изменения, усугубившиеся на протяжении XX века. Возможно, в исследуемом районе существовала развитая родильная обрядность, хотя данные о ней не были зафиксированы. Колыбельные песни сохранили признаки северной байки, но сейчас традиция находится на стадии исчезновения. Обряд инициации был воплощён в свадьбе севернорусского типа и предшеству-

ющих ей традиционных собраниях молодёжи. Однако в военное время, когда свадьбы перестали играть, традиция оказалась утраченной, а из вечёрок исчезла именно брачная направленность. Похоронно-поминальный цикл не претерпел изменений, при этом до настоящего времени сохранились причитания, однако и они находятся на грани исчезновения. Столь развитой причетной традиции, какую зафиксировали исследователи на Русском Севере в XX веке, в Енисейском районе, по всей видимости, не было; центр жанровой системы здесь составили вечёрочные песни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефименкова Б. Б. Восточнославянская свадьба и её музыкальное наполнение: введение в проблематику. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. 62 с.
2. Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. М.: Советский композитор, 1980. 392 с.
3. Ефименкова Б. Б. Северные байки. М.: Советский композитор, 1977. 80 с. (Из коллекции фольклориста).
4. Косырева С. В. Причитания вепсов: проблемы изучения музыкального языка // Проблемы музыкальной науки. 2016. № 2. С. 35–44. DOI: 10.17674/1997-0854.2016.2.035-044.
5. Крахалёва О. В. Структура и драматургия енисейской вечёрки // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 68–75.
6. Мехнецов А. М. Народно-песенная культура русского старожильского населения Западной Сибири. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 208 с.
7. Музыкальная культура Сибири. Т. 1, кн. 2: Традиционная культура сибирских переселенцев. Новосибирск: НГК, 1997. 157 с.
8. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1997. 524 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 14).
9. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2002. 551 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 22).
10. Чайкина В. В. Сибирская свадьба как синтез особенностей двух типов русского свадебного обряда: на примере свадебных ритуалов д. Быстрая Минусинского района Красноярского края и Приангарья // Художественная культура России в региональном аспекте: вчера, сегодня, завтра. Красноярск, 2014. С. 33–42.
11. Чихачёва М. М., Экард Л. Д., Шкредова И. Н. Детский игровой фольклор Туруханского района Красноярского края (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции 2016 г.) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12–2. С. 183–186.
12. Koskinen I. At Least Two Concepts of Culture // Folklore. Vol. 125, November 2014, pp. 267–285. DOI: 10.1080/0015587X.2014.947858.

Об авторах:

Шкредова Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры истории музыки, Красноярский государственный институт искусств (660049, г. Красноярск, Россия), **ORCID: 0000-0001-6343-7814**, irina.shcredova@yandex.ru

Чихачёва Мария Михайловна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории музыки, Красноярский государственный институт искусств (660049, г. Красноярск, Россия), **ORCID: 0000-0002-6448-1427**, mgokhfeld@yandex.ru

Экард Лариса Давыдовна, доцент кафедры хорового дирижирования, Красноярский государственный институт искусств (660049, г. Красноярск, Россия), **ORCID: 0000-0001-8540-5901**, larisag1971@mail.ru

REFERENCES

1. Efimenkova B. B. *Vostochnoslavjanskaya svad'ba i ee muzykal'noe napolnenie: vvedenie v problematiku* [The Eastern Slavic Wedding and its Musical Content: an Introduction to the Problematics]. Moscow: Russian Gnessins' Academy of Music, 2008. 62 p.
2. Efimenkova B. B. *Severnorussskaya prichet'* [Incantation of the Russian North]. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1980. 392 p.
3. Efimenkova B. B. *Severnye bayki* [Northern Tales]. Moscow: Sovetskiy kompozitor, 1977. 80 p. (Iz kolleksii folklorista [From the Collection of the Folklorist]).
4. Kosyreva S. V. Prichitaniya vepsov: problemy izucheniya muzykal'nogo yazyka [The Incantations of the Veps People: Issues of Studying a Musical Language]. *Problemy muzykal'noj nauki/Music Scholarship*. 2016. No. 2, pp. 35–44. DOI: 10.17674/1997-0854.2016.2.035-044.
5. Krakhaleva O. V. Struktura i dramaturgiya eniseyskoy vecherki [The Structure and Drama of the Yenisei Evening Musical Performances]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2008. No. 30, pp. 68–75.
6. Mekhnetsov A. M. *Narodno-pesennaya kul'tura russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri* [The Folk-Song Culture of the Russian Old-Timer Population of Western Siberia]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2012. 208 p.
7. *Muzykal'naya kul'tura Sibiri. T. 1, kn. 2: Traditsionnaya kul'tura sibirskikh pereselentsev* [The Musical Culture of Siberia. Vol. 1, Book 2: Traditional Culture of Siberian Migrants]. Novosibirsk: Novosibirsk State M. I. Glinka Conservatory, 1997. 157 p.
8. *Russkie liricheskie pesni Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Russian Lyrical Songs of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, 1997. 524 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 14 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 14]).
9. *Russkiy semejno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The Russian Family and Ritual Folklore of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka, 2002. 551 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 22 [Monuments of folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 22]).
10. Chaykina V. V. Sibirskaya svad'ba kak sintez osobennostey dvukh tipov russkogo svadebnogo obryada: na primere svadebnykh ritualov d. Bystraya Minusinskogo rayona Krasnoyarskogo kraja i Priangarya [The Siberian Wedding as a Synthesis of the Peculiarities of Two Types of Russian Wedding Rite: on the Example of Wedding Rituals in the Village of Bystraya in the Minusinsk District of the Krasnoyarsk Territory and the Angara Region]. *Khudozhestvennaya kul'tura Rossii v regional'nom aspekte: vchera, segodnya, zavtra* [The Artistic Culture of Russia in the Regional Aspect: Yesterday, Today, Tomorrow]. Krasnoyarsk, 2014, pp. 33–42.
11. Chikhacheva M. M., Ekard L. D., Shkredova I. N. Detskiy igrovoy fol'klor Turukhanskogo rayona Krasnoyarskogo kraja (po materialam fol'klorno-etnograficheskoy ekspeditsii 2016 g.) [The Children's Play Folklore of the Turukhansk District of the Krasnoyarsk Territory (Based on Folklore and Ethnographic Expedition of 2016)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. 2016. No. 12–2, pp. 183–186.
12. Koskinen I. At Least Two Concepts of Culture. *Folklore*. Vol. 125, November 2014, pp. 267–285. DOI: 10.1080/0015587X.2014.947858.

About the authors:

Irina N. Shkredova, Senior Faculty Member at the Department of Music History, Krasnoyarsk State Institute of Arts (660049, Krasnoyarsk, Russia), **ORCID: 0000-0001-6343-7814**, irina.shkredova@yandex.ru

Maria M. Chikhachyova, Ph.D. (Arts), Associate Professor at the Music History Department, Krasnoyarsk State Institute of Arts (660049, Krasnoyarsk, Russia), **ORCID: 0000-0002-6448-1427**, mgokhfeld@yandex.ru

Larisa D. Ekard, Associate Professor at the Choral Conducting Department, Krasnoyarsk State Institute of Arts (660049, Krasnoyarsk, Russia), **ORCID: 0000-0001-8540-5901**, larisag1971@mail.ru

